

НАТАЛЬЯ АЛЕЙНИКОВА

Искры красок

* * *

Уже! Уже!.. По небу звезды разметались.
Уже! Уже!.. Угуканье ночной совы...
Птенцы в садах, вспорхнув, разволновались, —
и вздрогнули цветущие кусты.

Рассвет! Рассвет!
Ликуют седовласые надежды...
И ожидают чуда на заре.
Рассвет! Рассвет!.. Светлеют неба вежды,
и месяц скулы белит на дворе...

И в воздух золоченую монету
поэт подбросил...
Решкой иль орлом?..
Постой! Постой!.. Я пробираюсь к свету,
к восходу солнца я иду пешком!..

* * *

Мир протянул мне ладонь
из дождя,
утром прохладным окутал
стихи.
В сердце блуждают
ночные ветра,
словно им мало
объятий Земли.
Словно Вселенная
хочет меня
соединить с бесконечностью
мира;
словно однажды
сотрутся слова
те, что тебе я
наговорила...

* * *

Ветка рябины — неспелая грусть
и опоздавшая рваная осень.
Листья усталые...
Я не вернусь.
Хоть незрелые ягоды просят
вспомнить вчерашний
мажорный мотив...

Ветка рябины к земле припадает —
сок, кислый сок
моей первой любви,
чашу наполнил
до самого края...

* * *

Я волчицей голодной брожу,
но не в поисках пищи.
Бывает,
посмотрю на ночную луну
и от боли — «у-уу...» — завываю.
Жуткий холод по жилам бежит.
Кто услышит тоскливую песню
в эту ночь, тоже, верю, не спит.
Значит, мы не одни.
Значит, вместе...

Гадкий утенок

Душа устала, как могла,
в твоей обители ютилась...
Я лебедем к тебе плыла,
утенком гадким возвратилась.
Намокли перья под дождем
и шея гордая склонилась.
И, опаленные огнем,
бессильно крылья опустились.
И устремились очи вспять,
слезою наливаясь...
Утенок гадкий будет ждать,
степенно в лебедь
превращаясь.

На преднепровской суше

Душа рукоплещет листвою весенней —
пусть изношены зимой туфли!
Я вчера тосковала.
А нынче песней
заливаются мои гусли.

Я в цветастом и шелковом платье.
Ветер
 ткань о бедра взволнованно треплет.
 Я над майским ручьем счастье вымыла;
 свитер
 постелила у сосен, — день дремлет.
 А потом нагуляла улыбку лучистую
 и спустилась к песчаному выступу;
 полной грудью вдыхаю стихию смолистую —
 предднепровская суша с пристанью.

* * *

Пепельной пудрой крошится небесный янтарь,
 крыши домов обряжая на долгую память.
 Травы не кошены, а приднепровский косарь
 хлеба жует зачерствевший завяленный ломоть.

Травы зеленые лижут Чернобыля пыль,
 опустошенные окна разинули очи.
 Волосы длинные чешет черная быль,
 гребень снимая, как дева к предсвадебной ночи.

Я прогуляться хочу по земле (!), по родной (!)
 и постоять у реки над Днепровской водою...
 А возвращаясь, увижу с тропинки лесной —
 сосны полесские горькою плачут смолою.

* * *

Новое счастье клювиком — в мое окно!..
 Венок Цереры колышет поле
 колосьев спелых, — льняное руно
 гуляет с ветром, барствует на воле...

А я гляжу, гляжу на Божью Мать
 и созерцаю счастье новым взором, —
 с Иконы золотая благодать
 струится шелковым поклоном...

И я купаюсь в этой чистоте,
 и взор души Молитвой освящаю...
 О, Божья Мать, я припаду к тебе,
 Как крестьянин
в поклоне урожаю...

